

ВИДЕНИЕ БОЧКИ

Элис и Лэнгдон Сент-Ив бросили прощальный взгляд на вокзал Кэннон-стрит, а двухколесный кэб завернул за угол и загрохотал дальше, в сторону Ладгейт-Хилла, направляясь в Смитфилд.

Когда-то, в один прекрасный вечер, впервые в жизни приехав поездом на Кэннон-стрит, Элис познакомилась с Сент-Ивом, и с тех пор вокзал неизменно настраивал ее на романтический лад. Но гигантская крыша из стекла и металла уже скрылась за сомкнувшимися строй зданиями, лишь издалека долетел прощальный свисток паровоза, утонувший в уличном шуме, стуке и лязге колес и цоканье копыт по мостовой.

Стоял теплый и шумный апрельский вечер. Кэбмен, лавируя в потоке людей и экипажей, подбадривал своих лошадей, обращаясь к каждой из них по имени. Сент-Иву подумалось, что, безвылазно просидев четыре месяца дома, в Айлсфорде, он рад оказаться в Лондоне, хотя жизнь помещика все эти четыре месяца доставляла ему ничуть не меньшую радость. В Кент, к восторгу детей, уже пару недель назад пришла весна, и приближался май — его любимый месяц года, — суля новые приключения.

Элис вернулась к их разговору, прерванному прибытием поезда:

— И все же, согласись, чем больше мы узнаём о чем-то, тем больше ценим. При условии, конечно, что это нечто само по себе ценно.

— Именно так, — согласился Сент-Ив. — Мы сами творцы своих пристрастий. Я вот, к примеру, нахожу весьма интересными твои бегонии, хотя три года назад они меня совершенно не занимали. Меня даже мало-помалу начинают привлекать лишайники викария Хэмпсона, а они всегда казались мне париями мира растений. Однако жизнь коротка, и приходится выбирать: наш ум не способен все объять. Опера просто-напросто не входит в круг моих интересов. В голове всплывает лишь слово «какофония».

— Всегда пыталась себе представить, как выглядит какофония — клыкастая, мохнатая, вроде кикиморы или немытого мужика спросонья. Представь, я много лет не понимала, что значит это слово. Очень было досадно узнать о своем заблуждении.

Радуясь, что ему, судя по всему, удастся отвертеться от обязанности идти вечером в оперу, Сент-Ив сказал:

— Табби и Гилберт с радостью сопровождают тебя в Ковент-Гарден: один по левую руку, другой по правую. Вы прекрасно проведете время, а я подремя в кресле, делая вид, что читаю.

Справа над кэбом нависла громада собора Святого Павла и скрылась в свой черед, когда они повернули на Олд-Бейли, преодолев половину пути к трактиру «Полжабы Билсона», месту назначенной встречи с Табби и его дядюшкой Гилбертом. Эта парочка, без сомнения, уже заняла столик на втором этаже. Сент-Ив попытался угадать, что Уильям Билсон, трактирщик, жарит сейчас на вертеле: может, целого гуся или оленью ногу. У него заурчало

в животе — «большие кишки маленьких доедают», как, бывало, говаривал отец.

— А это что еще такое? — спросила Элис, когда они задержались в пробке на Ньюгейт-стрит. Она кивнула в сторону паба «Сорока и пень» — в прошлом веке здесь собирались зеваки посмотреть на публичные повешения узников Ньюгейтской тюрьмы или побросать камнями и нечистотами в прикованных к позорному столбу. Сейчас на тротуаре перед пабом стояли в ряд дубовые бочки, снабженные колесами с каучуковыми шинами. В бочках сидели люди, словно каторжники в вагонетках; сквозь отверстия, обитые для мягкости кожей, торчали только головы и руки. Бочки украшали миниатюрные штурвалы, козырьки для защиты от дождя и приподнятые отделения для багажа сзади. Бочкари определенно собирались в путешествие. Выглядели они при этом совершенно нелепо: все как один в темно-фиолетовых шляпах разных фасонов и размеров и с желтыми перышками на лентах. Одни держали в руках кружки с пивом, другие с отсутствующим видом смотрели прямо перед собой или дремали.

Сент-Ив не сразу сообразил, как людям удалось так ловко устроиться в таких своеобразных футлярах, но вскоре разглядел на боках и крышках бочек петли и аккуратные распилы, благодаря которым те открывались, как шкатулки с секретом. Из паба вышел мужчина в фартуке и с подносом, чтобы собрать кружки, и вереница бочек, связанных друг с другом веревкой, потянулась к реке: тянули ее два дюжих молодца в ярко-красных жилетах и коротких штанах. Несколько жизнерадостных бочкарей затянули

песню, а у одного из спящих слетела шляпа и понеслась, влекомая ветром, по тротуару. Один из молодых отпустил веревку и кинулся в погоню, второй же продолжал тянуть бочки в одиночку, не сбавляя ходу и не забывая позванивать в колокольчик.

Экипаж двинулся дальше по Гилтспур-стрит, и перед Сент-Ивом и Элис открылся вид на восток, где низко у горизонта грозно клубились темные тучи: ветер крепчал, приближалась буря. Сент-Ив лениво задумался, прошел ли дождь в Айлсфорде и оросил ли он его посадки хмеля и траву на лужайках.

Они миновали открытый двор, где в тени под навесом сгрудилось несколько десятков бочек на колесах, словно их обитатели собрались на парад бочкарей. Эти глядели не столь весело, как компания в фиолетовых шляпах у «Сороки и пня»: большинство тупо смотрело на дорогу невидящими глазами, напоминая скованных одной цепью заключенных в ожидании своей участи.

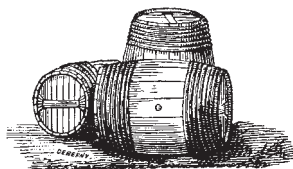
Между ними сновали молодцы в красных жилетах, по всей видимости, оказывавшие разные услуги.

— Вымокнут до нитки, если не найдут себе более основательный приют до темноты, — заметил Сент-Ив.

— Наверняка они к тому времени разойдутся по домам, — возразила Элис. — У них, похоже, был тяжелый день. Что за удивительное времяпровождение! Напоминает цыганский табор, только с прислугой.

Наконец кэб свернул на Фингал-стрит, где у площади Ламберт-Корт стоял трактир «Полжабы Билсона» — древнее трехэтажное строение

с круглыми разноцветными стеклами в замысловатых рамах. Над входом в альков пивного зала красовалась весело раскрашенная половина вырезанной из дерева суринамской жабы. Из дверей вышли двое посетителей и остановились, смеясь чему-то, в тени изваяния; в дверном проеме Сент-Ив успел разглядеть нутро паба, где промелькнул подавальщик Ларс Хоупфул с двумя кувшинами эля — ободряющее зрелище. Часто говорят, что путешествие лучше прибытия, но не бывает правил без исключений, и прибытие в трактир «Полжабы» — яркий тому пример.

ЧЕРЕПАХА В ЗИМНЕЙ СПЯЧКЕ

— Этих, в бочках, называют «Скитальцы», — пояснил Уильям Биллсон, ставя на стол две тарелки с закусками: тарталетки с устрицами и укропом и паштет из ветчины на тостах. — А молодцы в красных жилетах, слышать, так и зовутся — «Красные жилеты». Те, что вы видели у «Сороки», — это «Фиолетовые шляпы», Вест-Смитфилдская фракция. Не знаю насчет остальных, говорят, у них этих фракций чуть ли не три дюжины, иные под сотню человек, и с каждым днем их все больше.

Генриетта Биллсон, жена Уильяма, вышедшая за него замуж лет сорок назад, когда он только купил старый трактир, принесла кувшин эля и наполнила кружки, советуя гостям не тянуть и приступать к еде, пока она не остыла, ибо промедление в этом случае преступно. Сент-Ивы ждали Табби и Гилберта Фробишеров: те задерживались, что было им несвойственно.

Элис, большая любительница устриц, откусила от тарталетки и спросила:

— Стало быть, эти Скитальцы — нечто вроде общества?

— Да, — ответила Генриетта, — во всех газетах только о них и пишут: дескать, нечто феноменальное, как «Компания Южных морей».

— Мы давно ничего не читаем, кроме «Мейдстоун Газетт», — сказала Элис, — там новостей не так много, и нас это вполне устраивает.

— Но ведь о Диогене-то вы слышали?

— Я слышал о Диогене, — вставил Сент-Ив, накладывая себе паштет из ветчины. — Прекрасно помню ту лекцию: Диоген Синопский, жил в Афинах веков двадцать назад. Дерзил самому Александру Великому, а жил в бочке, хотя иногда ее называют пифосом или кувшином. Якобы он катал ее с места на место по всему городу в поисках честного человека, но так ни одного и не сыскал. К нему ходили за философскими советами. Рад слышать, что он снова в чести.

— Признаюсь, прежде не слыхала о Диогене Синопском, — покачала головой Элис.

— И я, — сказала Генриетта. — Я говорю про торговца с бочкой, с огромными усами, как у моржа, что продает порошки от головной боли на Бэнксайде, под Лондонским мостом. Говорят, богат, что твой дядюшка Мидас, хоть и смахивает на мошенника.

— Порошки от головной боли? — заинтересовался Сент-Ив. — Любопытно, может, они помогут мне от боли в седалищном нерве, а то он последнее время совсем разошелся.

— От любой боли, — вставил Уильям. — Говорят, первый пакетик бесплатно, но, раз попробовав, все возвращаются и покупают еще. Сам видел: до восьми часов вечера стоит очередь на всю БороХай-стрит, благо Диоген устроился под электрическими фонарями. А рядом отирается громила с дубинкой, охраняет кассу.

— Но настоящие деньги он зарабатывает на продаже бочек, — добавила Генриетта. — Те, кто принимает порошок и покупает бочки, чтят этого Диогена, как святого.

— Какой там святой, — покачал головой Биллсон. — Тот, кто забрался в бочку, обратно уже не вылезает. И все больше и больше их отправляется на реку.

— На реку? — переспросила Элис. — В плавании?

— Истинно так, мэм, в плавание.

— Как же бочки не опрокидываются на воде? — спросил Сент-Ив.

— Свинцовый киль и обитое медью днище. Иногда еще ставят поплавки по бокам, как у островитян Южных морей. Ставят даже мачты с парусом. В бочке сухо, и галюн имеется, называется «отсос», так что...

— Прекрати немедленно, Билл, — прервала Генриетта, строго посмотрев на мужа.

В этот момент ввалился Табби Фробшер, все его восемнадцать стоунов, в легком фланелевом сюртуке, обсыпанном нюхательным табаком, который, видимо, неоднократно и безуспешно пытались стряхнуть. С расстроенным видом он снял свою выдающуюся боллинжеровскую шляпу, расправил ветхое павлинье перо на околыше, повесил шляпу на крюк и тяжело опустился в кресло. Биллсоны, выразив радость по поводу его появления, поспешили на кухню, чтобы поставить в духовку палтуса и закончить соус из анчоусов.

— Что скажешь хорошего, Табби? — спросил его Сент-Ив.

— Ничего хорошего, за исключением того, что чертовски рад видеть вас здесь, — он влил в себя эль и со стуком поставил кружку на стол. — Ужинать

придется без дядюшки Гилберта, и слушать «Набукко» он с нами вечером не пойдет.

— Надеюсь, он не заболел? — взволновалась Элис.

— Нет, — сказал Табби. — Он купил бочку, черт ее подери, и, ни много ни мало, теперь он лорд-мэр фракции Примроуз-Хилл. Отослал своего слугу Барлоу домой в Дикер и приобрел невероятно хитроумную бочку-кухню для мадам Лесёр, своей кухарки, — выложил за нее четыреста фунтов стерлингов с лишним. А та пнула бочку ногой и отказалась его сопровождать — англичане, говорит, уже окончательно обезумели, и вернулась в Париж к матери.

— Должно быть, это стало для него ударом, — сказала Элис. — Мадам Лесёр потрясающая кухарка.

— Она права насчет этого бочечного помешательства. Это, без всякого преувеличения, безумие, — продолжал Табби. — И не один я так считаю.

— Ты сказал, лорд-мэр? — спросил Сент-Ив. — Так они вполне организованы, эти фракции?

— О да. Это совершенно необходимо. Мне сказали, что редко кто задерживается в должности дольше нескольких дней. Умственные способности быстро угасают. Передай-ка мне эту тарелку с паштетом из ветчины, — уничтожив два тоста, он продолжил: — Видишь ли, новые члены полны энтузиазма, но это быстро проходит, и они замыкаются в себе. На их место приходят новые. Все складывается так, что скоро будет невозможно помешать им отплыть вниз по реке с отливом. Если верить тому,

что пишут в «Таймс», они воображают себя угрями, подумать только.

— Значит, быстрая деградация? — спросил Сент-Ив.

— Иные полностью тупеют, — сказал Табби. — Думаю потолковать по душам с этим дьяволом в человеческом облике, что называет себя Диогеном. Ему не помешает хорошая трепка.

— О боги! — воскликнула Элис. — Втроем мы уж точно уговорим Гилберта бросить это безумие, без всякой трепки. В крайнем случае вытащим его из этой бочки и унесем на руках.

Табби мрачно покачал головой.

— Я сегодня разыскал эту компанию с Примроуз-Хилл, чтобы высвободить Гилберта грубой силой. Там выступал служитель «Церкви Диогена», как они ее называют: расхаживал взад-вперед по лужайке, размахивал руками и нес всякую чушь, а они внимали ему, словно пророку. Появилась женщина с детьми, они искали отца. Тот сидел в своей бочке в середине толпы, и они пошли к нему, рыдая в голос. Вся фракция тут же зашевелилась и составила бочки в круг, чтобы оградить его, а он, видимо, не испытывал ни малейшего желания идти домой. Ни малейшего. Смотрел на своих детей, как на чужих. Совершенно нечеловеческое поведение.

— Разве полиция не может вмешаться? — спросила Элис. — Это же мошенничество.

— Нет, мэм. Никакие законы не нарушаются, а сейчас считается, что люди вправе поступать так, как им заблагорассудится.

— Стало быть, и Гилберт намерен провести остаток своих дней в бочке? — спросил Сент-Ив.

— Намерен, хотя эти его намерения ровно ничего для меня не значат. Пришлось наврать с три короба, чтобы успокоить его и этого самозваного церковника — сам Вельзевул в костюме от портного. Сказал дядюшке, что сам собираюсь купить бочку — «Джамбо», точь-в-точь как у него. Он прожужжал мне все уши о дополнительных приспособлениях: выдвигной стеклянный козырек против дождя, патентованный отсос, бак для пресной воды с серебряно-угольным фильтром, ходовое колесо для плавания по реке, с электрическим мотором в качестве привода, с батареей на сухих элементах, чтобы вращать колеса или гребное колесо, когда бочкарь устанет. Нет пределов: на корме его бочки даже вырезали герб Фробишеров. Не сомневаюсь, выложил целое состояние, хотя сама по себе бочка не такая уж дорогая. Что богатый разорится, что бедный — никакой разницы, понимаете? Из-за этих чертовых приспособлений цена взвивается до небес. Как бы там ни было, я предложил ему отправиться вдвоем в «Свисток», пообедать и немного освежиться, а он отказался наотрез. Можете себе представить? Чтобы Фробишер отказался выпить и закусить?

— Пожалуй, можем, если предположить, что он недавно подкрепился, — сказала Элис.

— Сэндвичем, вчера вечером. Говорят, от этого порошка пропадает аппетит — тело впадает в своего рода ступор, наподобие черепахи в зимней спячке. А Красные жилеты следят за тем, чтобы все получали свою дозу.

На столе появился палтус в соусе из анчоусов, за ним последовали буженина, стручковая фасоль, четыре вида грибов с подливкой и залитое маслом картофельное пюре с чесноком — блюда как раз во вкусе Гилберта Фробишера, променявшего их на жизнь в бочке и вчерашний сэндвич. Разговор перешел на оперу, а Сент-Ив задумался о порошках от головной боли и их возможном составе — опиаты? кокаин? хлоральгидрат? Он размышлял о медицинском воздействии и его странной связи с бочковым помешательством. Неужели порошок вызывает тягу к замкнутому пространству или, быть может, к жизни в водной стихии? Что имел в виду Табби, когда сказал, что бочкари превращаются в *угрей*? Вполне возможно, этот новоявленный Диоген синтезировал в лаборатории совершенно новое вещество, как скандально известный доктор Джекил мистера Стивенсона, чьей «Странной историей» завалены все книжные лотки на вокзале Кэннон-стрит. Наверное, химик смог бы в этом разобраться, но понадобится время, а времени уже не остается.

— О небо! — вскричал Табби, и Сент-Ив очнулся от своих раздумий. — Нам пора одеваться и выходить. Вы многое теряете, профессор. Партию Навуходоносора поет сам Лайл Вортнот.

В голове у Сент-Ива мелькнул не слишком остроумный ответ, но он почел за благо промолчать. Через несколько минут предстоит распрощаться с Элис, и ему больше приличествует роль заботливого мужа, тем более что у него уже созрел план нового приключения, который лучше пока оставить при себе, на случай если у нее возникнут возражения.

Табби допил вино из бокала, встал и попросил Ларса Хоупфула подзвать кэб через пятнадцать минут.

— Пойду прогуляюсь, пока погода не испортилась, — сказал Сент-Ив, направляясь в их с Элис номер. — Расскажешь мне об упущенных мной оперных чудесах утром, за завтраком. По мне, ради завтрака в «Полжабе» уже стоит приехать в Лондон, — последнее он добавил, чтобы успокоить жену, и обрадовался, когда та согласилась.

Он взял зонт и пальто и, предупредив, что через час наверняка грянет ливень, пожелал ей приятного вечера в опере, поцеловал на прощание и через пять минут уже катил в кэбе в сторону Лондонского моста на Бэнксайд, отложив прогулку до той поры, пока не удовлетворит любопытство, возбужденное в нем злосчастными порошками от головной боли.

